

DOI 10.15393/j9.art.2015.3261

УДК 821.161.1.09“18“

Ольга Алимовна Богданова

*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)
olgabogda@yandex.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗЕМЛЯ» В РАБОТАХ Г. И. ЧУЛКОВА О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ*

Аннотация. Идеи и образы Ф. М. Достоевского пронизывают творчество известного писателя, поэта, публициста и критика Серебряного века Г. И. Чулкова на всем его протяжении: от статьи «Достоевский и революция» (1906) до книги «Как работал Достоевский» (1939). В работах критика о Достоевском заметна эволюция в понимании «земли» от ее отрицания в дореволюционные годы (свойственного многим деятелям «нового религиозного сознания») до приятия в 1930-е годы (которое соответствовало отношению Достоевского и взглядам воцерковившегося к этому времени Чулкова). Центральное место в статье занимает анализ отношения к «земле» в неопубликованной книге Чулкова «Жизнь Достоевского» (1935–1936), автограф и машинописные копии которой находятся в трех различных российских архивах. В этом исследовании заметно влияние религиозно-философских идей Серебряного века, связанных с Д. С. Мережковским, Вяч. И. Ивановым, Н. А. Бердяевым. Однако понятие «земля», обусловленное противостоянием Чулкова «советскому патриотизму» 1930-х годов, в целом тяготеет к церковной трактовке этого концепта.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Г. И. Чулков, символизм, земля, язычество, христианство, атеизм

Концепт «земля» у Достоевского имеет, по меньшей мере, три семантических слоя: фольклорный, ветхозаветный и новозаветно-евангельский, — которые вступают друг с другом в сложные отношения взаимопроникновения и дополнительности. Недаром еще Вл. С. Соловьев, защищая писателя от нападок К. Н. Леонтьева, писал: «И сама земля, по священному писанию и по учению Церкви, есть термин *изменяющийся*. Одно есть та земля, о которой говорится в начале книги Бытия, что она была невидима и неустроена

и тьма вверху бездны, — и другое то, про которую говорится: Бог на земле явися и с человеки поживе, — и еще иное будет та новая земля, в ней же правда живет. Дело в том, что нравственное состояние человечества и всех духовных существ вообще вовсе не зависит от того, живут они здесь на земле или нет, а напротив, самое состояние земли и ее отношение к невидимому миру определяется нравственным состоянием духовных существ¹. Из такого расширительного, динамического понимания выросло софийное восприятие «земли» в произведениях Достоевского — как в основе своей совершенного, не замутненного грехом Божьего творения, рая — в трудах Вяч. И. Иванова, С. Н. Булгакова, Б. М. Энгельгардта, Г. П. Федотова и др. Разъясняя составляющие «софиологической формулы» автора «Бесов» «Богородица — великая мать сыра земля есть», Л. А. Зандер резюмировал: «Земля, которая последовательно мыслилась как материя... организованная в едином космосе... и обладающая животной силой... как мать всего сущего, питающая его клетками своей плоти... эта земля возводится теперь на еще более высокую ступень личного бытия и ставится в непосредственную связь с “Широчайшей небес и Честнейшей Херувим”» [4, 48–49].

Современный взгляд на семантическое наполнение концепта «земля» у Достоевского разноречив и по большей части не столь синтетичен. Так, В. А. Михнюкевич склонен акцентировать «фольклорно-мифологическую стихию» в изображении «земли» в «великом пятикнижии» в противовес ее «евангельскому образу»: не являясь «ортодоксальным христианином», «свой собственный нравственно-этический идеал Достоевский вырабатывал, во многом опираясь на народное христианство, которое основано на апокрифических легендах и духовных стихах» [6, 135]. Е. А. Мужайлова сосредоточивается на социокультурном наполнении интересующего нас концепта, объясняя негативное отношение к техническому прогрессу в очерке «Земля и дети»² тревогой Достоевского из-за «лишения человека общения с землей», разрушающего национальную культуру: писатель не понимает, «почему, на каком основании один человек может

“отобрать” родину, землю, почву у другого» [7, 70]. В. А. Смирнов привносит в образ «земли» элементы «рыцарского этоса как сложной и многоуровневой системы в творчестве Ф. М. Достоевского»: по мысли исследователя, брак с «Матерью-сырой землей» (или, заметим, с ее субститутами в романах Достоевского: Хромоножкой, Софьей Андреевной и др.) «имплицитно отражает идею “служения земле”, присягу “верности земле”»; исходя из этой логики, трагизм судеб таких героев, как Ставрогин и Версиков, может быть объяснен тем, что «нарушение “присяги земле” жестоко карается» [см.: 9, 125–127]. Наконец, А. Н. Паршин, обращаясь к текстам православного богослужения и святоотеческой литературы, утверждает созвучно Зандеру: несмотря на языческий субстрат образа «земли» в «Бесах», «Богородица есть земля, но земля райская, земля, которую мы потеряли и которую нам предстоит обрести уже как Царство Божие» [8, 82].

Концепт «земля», важнейший у Достоевского, сохранял свою роль и в литературе Серебряного века. Вслед за предшественником писатели рубежа XIX–XX веков мыслили «землю» далеко не только реально-эмпирически, но также и эсхатологически — в свете миллениаристско-хилиастических чаяний о тысячелетнем царстве праведников на земле во главе с Христом (Откр. 20:2–7). При этом в произведениях Достоевского апокалипсическая тема, как правило, связана не с отрицанием «ветхой земли», а с надеждой на ее преобразование правдой Христа, живущего в православных русских сердцах. Так, Алёша Карамазов, соединив в себе «русскую землю» и Христа, в ночь после смерти старца Зосимы удостоился видения Каны Галилейской, символизирующей благодатное изменение «земли» в конце времен. Апокалиптика Достоевского имеет не столько катастрофический, сколько миллениаристский характер. «Тема миллениума неразрывно сплетается для Достоевского с темой России», — замечает А. Г. Гачева [2, 319], опираясь на высказывание самого писателя: «Мы несем 1-й рай 1000 лет...» (11, 168). По мнению В. А. Котельникова, Достоевский «допускает возможность разрешения противоречий» исторических судеб человечества не «в веке будущем», а здесь, «на этой земле» [см.: 5, 58].

Иную картину наблюдаем по отношению к «земле» в литературе и критике Серебряного века. Здесь, напротив, преобладает катастрофический вид апокалиптики, согласно которому «ветхая» (т. е. наличная, несовершенная) русская земля должна сгореть без остатка в очистительном огне социально-религиозной революции. Варианты подобной концепции «земли» находим в публицистике и художественных произведениях Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, А. А. Блока, А. Белого, Ф. Сологуба, Л. Н. Андреева, А. М. Ремизова и др. [подробнее см.: 1].

Кроме того, в символистской ментальности происходило концептуальное сближение реально-эмпирической «земли», «народа» и «церкви» (как изжившего себя, по мнению представителей «нового религиозного сознания» начала XX века, «исторического христианства»). Так, например, оно присутствует в статье лично близкого Чулкову в 1900-е годы Блока «Стихия и культура» (1908), где народная вера, Православие, слита с «землёй», неотделима от «земли», является частью «земли»: «храмы, рассеянные по лицу её», «монастыри, где стоит статуя Николая Чудотворца...»³. В той же статье Блок писал о людях из народа: «Земля с ними, и они с землёй, их не различить на её лоне...»⁴. Отождествление народа и «земли» находим и у Д. С. Мережковского в статье «Грядущий Хам» (1905): говоря о трех началах «духовного благородства», противостоящих «трём лицам» Грядущего Хама, он в качестве первого называет, как одно целое, «землю» и народ — «живую плоть... России»⁵.

Новое понимание «земли» обозначилось в статье Вяч. Иванова «О русской идее» (1909) и в его же докладе «Евангельский смысл слова “земля”», прочитанном на заседании Христианской секции Религиозно-философского общества в Петербурге в 1909 году, во многом как ответ на идеи В. В. Розанова и Д. С. Мережковского, близкие ко взглядам Блока в его статьях 1908 года «Стихия и культура» и «Народ и интеллигенция».

Так, возражая Мережковскому, считавшему, что «откровение о Земле не дано в достаточной мере Нов<ым> Заветом», Вяч. Иванов писал: «Новый Завет есть благовестие

о Земле, б<ыть> м<ожет>, ещё недостаточно усвоенное и во всяком случае не реализованное». Недоразумение, по его мнению, возникло из-за смешения понятий «мира» и «земли». В самом деле, «новозавет<ное> благовестие содержит определённые изречения, смысл которых есть отвержение, или, по слову Достоевского, неприятие *мира*, но нигде не содержит указаний, имеющих смысл отвержения или неприятия *Земли* (курсив Вяч. Иванова. — О. Б.)». Если «мир» — это «данное, наличное состояние природы и человека», то «земля» — идеальное, очищенное их состояние, «живое подножие» Бога⁶. Именно в таком смысле в более поздней работе Вяч. Иванова — «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского (курсив Вяч. Иванова. — О. Б.)» — сквозь темную и хаотичную российскую действительность («мир») просвечивала обетованная «Святая Русь», святая «земля»⁷. Более того, миф о плененной злым духом и ждущей своего избавителя, «суженого жениха своего»⁸, «земле» Вяч. Иванов считал основой не только романа «Бесы», но, по сути дела, стержневым хребтом всего художественного творчества Достоевского.

Что касается позиции Чулкова по вопросу о наличной, эмпирической «земле», то в 1906 году он, вместе с Вяч. Ивановым, был сторонником ее отрицания. Так, в статье «Достоевский и революция» критик утверждал, что главной заслугой автора «Братьев Карамазовых» было раскрытие, в поэме «Великий инквизитор», мистико-анархической «идеи “неприятя мира”»⁹; однако, по мысли Чулкова, это не помешало ему «постыдно склонить голову перед лицом эмпирической государственности, перед мёртвым ликом православной церкви...»¹⁰. Книга «О мистическом анархизме» вышла в свет со вступительной статьей Вяч. Иванова под говорящим названием «Идея неприятия мира...», в которой автор, рассуждая о генезисе и сущности этой идеи, отталкивался от образов романа Достоевского «Братья Карамазовы»: беседы Алёши с Иваном в трактире «Столичный город» и поэмы Ивана «Великий инквизитор».

Позицию Чулкова по отношению к «земле» нельзя считать однозначной. В статье «Об утверждении личности»,

помещенной в этом же сборнике, он определял «последнюю цель» мистического анархизма как «восстановление истинной реальности», новое творчество «*на земле*»¹¹ (здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, в цитатах курсив мой. — О. Б.). Помимо прочего, здесь можно увидеть аллюзию на известные слова ницшевского Заратустры: «*оставайтесь верны земле*» (курсив Ф. Ницше. — О. Б.), на его многократные призывы «любить землю», «смысл» которой — в рождении «сверхчеловека»¹².

Семантическое наполнение концепта «земля» в художественном творчестве Чулкова 1910-х годов, в частности в символистском романе «Сатана» (1914), соответствует вышеупомянутой статье «Достоевский и революция». Так, главным выразителем inferнального начала здесь является, что достаточно характерно для литературы рубежа XIX–XX веков с его резкой критикой «исторического христианства», представитель Русской православной церкви — иеромонах Софроний. «Что-то в нем было даже нечеловеческое»¹³, «*подземное* — глухое и тяжелое», — констатирует автор-рассказчик. Это «чёрный призрак, мрачный вий», чья сила — «*от земли*». Не человеком, а «огромной глыбой тяжёлой *земли*»¹⁴ кажется Софроний одному из героев «Сатаны» художнику Алексею Хмелёву. Получается, что «земля» у Чулкова, как и в статье Блока, начало темное, стихийное, разрушительное. Софрониевский монастырь близ города не светлый полюс чулковского романа, как это было у Достоевского в «Братьях Карамазовых», но средоточие сил зла, что очевидно перекликается со словами о неотделимых от «земли» монастырях в «Стихии и культуре» Блока.

Однако публицистика Чулкова 1917–1918 годов в журнале «Народоправство» уже «выделялась... своим пафосом религиозного почвенничества», ставшего итогом пережитого в годы Первой мировой войны «мировоззренческого кризиса» [см.: 3, 356–358]. Так, в статье «Достоевский и судьба России» среди трех главных событий в жизни писателя, символически определивших значение его индивидуальной судьбы для общей судьбы России, названа встреча с мужем Мареем, воплощением «матери-земли». По мысли

Чулкова, понимание «земли» и народа — «ключ к мироотношению Достоевского»¹⁵. Теперь для него «правда Достоевского» — это «правда о земле, земле живой и в существе своем святой — той земле, которую целовал Алёша после кончины старца Зосимы...»¹⁶, другими словами — о «земле»-Софии. Среди «вещих видений» Достоевского главное, считал Чулков, «видение Прекрасной Матери-Земли, или... Земли-Невесты, чьи многоликие отражения возникают непрерывно в загадочных повествованиях»¹⁷ этого писателя.

В 1920-е годы Чулков — один из «последних соловьевцев», последователей «свободной теософии», идей «положительного всеединства» и, конечно же, софийного восприятия мира [см.: 3, 358–362], что во многом обусловило интерпретацию ключевого для концептосферы автора «Братьев Карамазовых» понятия «земля» в его неопубликованной машинописи «Жизнь Достоевского».

В период ее написания, 27 января 1935 года, Чулков размышлял в своем тайном дневнике «Откровенные мысли» (1935–1938) по поводу собственной трагикомедии «Дон Кихот» (М., 1935): «В романе Сервантеса Дон-Кихот умирает, как благочестивый христианин. В моём “Дон Кихоте” герой, умирая, говорит о *Земле*, о правде Земли. Было бы худо, если бы читатель усмотрел здесь противоречие. Любить Землю по-настоящему, до конца, до последней глубины может только христианин. Любить земные похоти ещё не значит любить Землю. И, с другой стороны, отвлечённое мечтательство — нечто антихристианское»¹⁸. Хотя автор говорил о другом своем произведении, выраженная здесь установка вполне может быть распространена на одновременно писавшуюся «Жизнь Достоевского», в которой находим многочисленные упоминания «земли».

В тех же «Откровенных мыслях» Чулков назвал биографическую книгу о Достоевском в ряду наиболее значительных своих произведений. Романы Достоевского для него «апология христианства»¹⁹, а «главная мифологема» автора «Братьев Карамазовых» «есть выражение живой и абсолютной Истины»²⁰.

В годы написания «Жизни Достоевского» Чулков — глубоко верующий православный христианин, тесно связанный с гонимой в СССР церковной и монастырской жизнью: так, он посещал закрытую в 1923 году Оптину пустынь, писал изгнанному оттуда старцу Нектарию, был близко знаком с выдающимся деятелем «катакомбной» церкви и духовным писателем М. А. Новосёловым. Поэтому нет ничего удивительного в том, что личность и творчество Достоевского даны здесь в религиозном освещении, которое создавалось неявно, по большей части с помощью умелого монтажа эпистолярного и мемуарного материала. Минувя препоны атеистической цензуры, Чулков стремился создать облик подлинного, в его понимании, Достоевского — стойкого борца за дело Христа. И, что самое трудное — пытался донести этот облик до ревниво оберегаемого от нежелательных влияний советского читателя.

В своем биографическом исследовании Чулков отразил немало религиозно-философских идей Серебряного века, таких, как мысли Мережковского о Достоевском — «тайновидце духа»²¹ и «пророке» «религиозной революции»²², Вяч. Иванова — о романе-трагедии²³ и о христианском отношении к «земле»²⁴, «Святой Руси»²⁵; Н. А. Бердяева — о «художественных откровениях о человеке» и «человеческой бездонности» у Достоевского²⁶.

Каково же осмысление концепта «земля» в этой поздней работе Чулкова о Достоевском? Обратимся к конкретным примерам. Так, объясняя внутреннее одиночество, которое, по его мнению, писатель испытывал в 1870-е годы, Чулков писал: «...живой земли и таинственного звёздного неба над нею вовсе не знали добрые знакомые и мнимые “единомышленники” Достоевского»²⁷. Здесь явная отсылка к знаменитой сцене «целования земли» Алёшей Карамазовым в ночь после смерти старца Зосимы и, в связи с этим, — указание на особое, религиозно-мистическое, отношение к «земле» у Достоевского в работах русских софиологов рубежа XIX–XX веков.

Раскрывая религиозно-мировоззренческий антагонизм между автором «Преступления и наказания» и И. С. Тургеневым,

невым, Чулков показал несовместимость их конечных идеалов: у первого — тысячелетняя русская земля, благословленная и «в рабском виде» исхоженная «Царём небесным»²⁸, Христом; у второго — западноевропейская цивилизация Нового времени с ее гуманистическими ценностями и стремлением к комфорту. Для Достоевского, по Чулкову, русская земля — вместилище «всенародной и вселенской Церкви»²⁹ с ее «всечелостью, всепримиримостью, всечеловечностью»³⁰, потенциальный рай.

Концепция «земли» в «Жизни Достоевского» есть не что иное, как прикровенное противостояние стремительно набравшему силу «советскому патриотизму», который подразумевал любовь к своей стране не как к национально-географическому или духовно-историческому единству, но исключительно как к недавней родине социализма, РСФСР или СССР. В годы разорения русской земли и ее народа-землепашца (вспомним начавшуюся с 1929 года коллективизацию в советской деревне) Чулков стремился, вслед за Достоевским и Вяч. Ивановым, утвердить в сознании своего читателя непреходящую софийную ценность христианской России, — скрытой за видимым мороком, но единственно живой «Святой Руси». Евангельский смысл слова «земля» становится ведущим в работе о любимом писателе.

Чулковское понимание «земли» динамично: от отрицания в дореволюционные годы (свойственного многим деятелям «нового религиозного сознания») до преклонения перед ней в годы 1930-е (которое соответствовало отношению Достоевского, наиболее ярко выраженному в «Братьях Карамазовых»: «Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, всё люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои» (14, 292), — поучал старец Зосима).

Книга последнего «хранителя символистского предания» [3, 355], вернувшегося к софиологическим интуициям о «земле» у Достоевского, дополняет и корректирует представление о символистской рецепции великого писателя в первой трети XX века.

Примечания

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

¹ Соловьев Вл. С. Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве // Соловьев Вл. С. Собрание сочинений: в 10 т. / под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 3. С. 219–223.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. Л.: Наука, 1981. С. 95–99. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ Блок А. А. Стихия и культура // Блок А. А. Сочинения: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. С. 99.

⁴ Там же.

⁵ Мережковский Д. С. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 25.

⁶ См.: Иванов В. И. Доклад «Евангельский смысл слова “Земля”» / публ., вступ. ст. и комм. Г. В. Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 142–153.

⁷ См.: Иванов В. И. Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского // Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 316–320.

⁸ Иванов В. И. Экскурс. Основной миф в романе «Бесы» // Иванов В. И. Родное и вселенское. С. 308–310.

⁹ Чулков Г. И. О мистическом анархизме / вступ. ст. Вяч. Иванова «О неприятии мира». СПб.: Факелы, 1906. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Там же. С. 79.

¹² Ницше, Фридрих. Так говорил Заратустра // Ницше, Фридрих. Сочинения: в 2 т. / пер. с нем.; сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 8, 53–55.

¹³ Чулков Г. И. Сатана: роман // Чулков Г. И. Валтасарово царство / вступ. ст., подг. текста, комм. М. В. Михайловой. М.: Республика, 1998. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 45, 46, 47, 55.

¹⁵ Кремнев, Борис [Г. И. Чулков]. Достоевский и судьба России // Огни: литературный альманах. М., 1918. С. 136.

¹⁶ Там же. С. 146.

¹⁷ Там же. С. 147.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 371 (Чулков Г. И.). К. 2. Ед. хр. 1. Л. 1. См. также: Чулков Г. Откровенные мысли / предисл., публ. и комм. Н. Ю. Грякаловой // Писатели символистского круга: новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 468.

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 371 (Чулков Г. И.). К. 2. Ед. хр. 1. Л. 95; Писатели символистского круга. С. 484.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 371 (Чулков Г. И.). К. 2. Ед. хр. 1. Л. 56; Писатели символистского круга. С. 487.

²¹ Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 7–350.

²² Мережковский Д. С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 146–150.

²³ Иванов В. И. Достоевский и роман-трагедия // Иванов В. И. Родное и вселенское. С. 287–289.

²⁴ Иванов В. И. Доклад «Евангельский смысл слова “Земля”». С. 142–153.

²⁵ Иванов В. И. Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского // Иванов В. И. Родное и вселенское. С. 316–320.

²⁶ Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Русская мысль. 1918. № 3–6. С. 46, 61.

²⁷ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. С. 347.

²⁸ Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений: I–II / ред. и комм. Г. Чулкова; вступ. ст. Д. Д. Благого. М.; Л.: Academia, 1933–1934. II. С. 94 (Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...», 1855).

²⁹ НИОР РГБ. Ф. 371 (Чулков Г. И.). К. 8. Ед. хр. 1. С. 498.

³⁰ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. С. 168.

Список литературы

1. Богданова О. А. Концепт «земля» в творческом сознании Ф. М. Достоевского и культурных деятелей Серебряного века // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. — М.: Водолей, 2013. — С. 101–110.
2. Гачева А. Г. Царствие Божие на земле в понимании Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. — Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе

- XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. — С. 312–323.
3. Грякалова Н. Ю. «Тайная свобода» последнего символиста // Грякалова Н. Ю. Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — С. 355–370.
 4. Зандер Л. А. Земля благая // Зандер Л. А. Тайна добра (Проблема добра в творчестве Достоевского). — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960. — С. 31–62.
 5. Котельников В. А. Апокалиптика и эсхатология у Достоевского // Русская литература. — 2011. — № 3. — С. 51–67.
 6. Михнюкевич В. А. Религиозный фольклор и христианство Ф. М. Достоевского // Проблемы взаимодействия языка, литературы и фольклора и современная культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящ. 100-летию Л. Г. Барага. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. — С. 126–136.
 7. Мужайлова Е. А. Концепт «земля» в произведениях Ф. М. Достоевского и М. А. Осоргина // Русская словесность. — 2009. — № 3. — С. 66–72.
 8. Паршин А. Н. «Богородица — мать сыра земля...» (О трех лекциях в Московской Духовной академии) // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. — 2011. — Вып. 5 (37). — С. 71–81.
 9. Смирнов В. А. Мотив «присяги земле» в поэтике Пушкина и Достоевского // Русская литература. — 2010. — № 1. — С. 125–130.

Olga A. Bogdanova

*The Maxim Gorky Institute
of World Literature of the Russian
Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
olgabogda@yandex.ru*

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF “GROUND” IN G. I. CHULKOV’S WRITINGS ABOUT F. M. DOSTOEVSKY

Abstract. F. M. Dostoevsky’s ideas and images imbued the entire creative work of a distinguished Silver Age writer and critic G. I. Chulkov: beginning with the article “Dostoevsky and Revolution” (1906) and ending with the book “How Dostoevsky worked” (1939). The works dedicated to Dostoevsky demonstrate the evolution of the literator’s vision of “ground” from denying it in pre-revolutionary years (that was common among the representatives of “New Christian Consciousness”) to accepting it in the 1930’s (that corresponded with the attitude of Dostoevsky, best seen in “The Brothers Karamazov” and with the religious views of Chulkov, who had been already in-

churched by that time). The focus of the article is the analysis of the vision of “ground” in Chulkov’s unpublished work *Dostoevsky’s Life* (1935–1936), whose autograph and typewritten copies are kept in three different Russian archives. In the research Chulkov’s interest to religious philosophy of the Silver Age associated with the names of D. S. Merezhkovsky, V. I. Ivanov and N. A. Berdyaev is evident. However, the concept of “ground”, based on Chulkov’s opposition to “Soviet patriotism” of the 1930s, in general, tends to have the canonical explanation.

Keywords: F. M. Dostoevsky, G. I. Chulkov, ground, symbolism, paganism, Christianity, atheism

References

1. Bogdanova O. A. Kontsept «zemlya» v tvorcheskome soznanii F. M. Dostoevskogo i kul’turnykh deyateley Serebryanogo veka [The concept of “ground” in the creative consciousness of Dostoevsky and of the Silver Age cultural leaders]. *F. M. Dostoevskiy i kul’tura Serebryanogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii. K 190-letiyu so dnya rozhdeniya i k 130-letiyu so dnya smerti F. M. Dostoevskogo* [F. M. Dostoevsky and the Silver Age culture: traditions, interpretations, transformations. To the 190th anniversary of the birth and to the 130th anniversary of the death of F. M. Dostoevsky]. Moscow, Vodoley Publ., 2013, pp. 101–110.
2. Gacheva A. G. Tsarstvie Bozhie na zemle v ponimanii F. M. Dostoevskogo [The Kingdom of God on earth as Dostoevsky understood it]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2005. Vol. 7. *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Issue 4, pp. 312–323.
3. Gryakalova N. Yu. «Taynaya svoboda» poslednego simvolista [“Secret freedom” of the last symbolist]. *Gryakalova N. Yu. Chelovek moderna: biografiya — refleksiya — pis’mo* [Gryakalova N. Yu. The Person of modernism: Biography — reflection — letter]. Saint-Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2008, pp. 355–370.
4. Zander L. A. Zemlya blagaya [The good earth]. *Zander L. A. Tayna dobra (Problema dobra v tvorchestve Dostoevskogo)* [Zander L. A. The mystery of goodness (The problem of goodness in Dostoevsky’s works)]. Frankfurt on the Main, Posev Publ., 1960, pp. 31–62.
5. Kotel’nikov V. A. Apokaliptika i eshatologiya u Dostoevskogo [The apocalyptic and eschatology in Dostoevsky’s works]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2011, no. 3, pp. 51–67.

6. Mikhnukevich V. A. Religioznyy fol'klor i khristianstvo F. M. Dostoevskogo [Religious folklore and Christianity of F. M. Dostoevsky]. *Problemy vzaimodeystviya yazyka, literatury i fol'klora i sovremennaya kul'tura: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu L. G. Baraga* [The problems of interaction between language, literature and folklore and modern culture: Materials of all-Russian scientific-practical conference, devoted to the 100th anniversary of L. G. Barag]. Ufa, Bashkirsky State Univ. Publ., 2011, pp. 126–136.
7. Muzhaylova E. A. Kontsept «zemlya» v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo i M. A. Osorgina [The concept of “ground” in the works of F. M. Dostoevsky and M. A. Osorgin]. *Russkaya slovesnost'*, 2009, no. 3, pp. 66–72.
8. Parshin A. N. «Bogoroditsa — mat' syra zemlya...» (O trekh lektsiyakh v Moskovskoy Dukhovnoy akademii) [“Mother of God — Mother Earth...” (About three lectures in Moscow Spiritual Academy)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya* [Herald of Orthodox Saint Tikhon Humanitarian University. Bulletin I: Theology. Philosophy], 2011, issue 5 (37), pp. 71–81.
9. Smirnov V. A. Motiv «prisyagi zemle» v poetike Pushkina i Dostoevskogo [The motif of “the oath of loyalty to earth” in the poetics of Pushkin and Dostoevsky]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2010, no. 1, pp. 125–130.

Дата поступления в редакцию: 12.09.2014